

“МЕНЯ ВСЕ ВРЕМЯ В КАКОЙ-ТО ПАФОС КИДАЕТ

Константин Кинчев — Газете

Константин Кинчев: «Я выстраиваю программу, меньше всего — да простит меня уважаемая публика — интересуюсь ее вкусами. Важно, чтобы меня эта песня грела. Такие критерии»
Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

Сегодня вечером в «Лужниках» будет отмечен двадцатилетний юбилей группы «Алиса». Накануне концерта с Константином Кинчевым встретился корреспондент Газеты Антон Помещиков.

Газета — 2003 — 24 мая — с. 7

Какие песни помимо новых, из только что вышедшего альбома «Сейчас позднее, чем ты думаешь», вы будете исполнять? Какие классические хиты «Алисы»?

Мне не нравится слово «хит» — оно опешляет само понятие песни.

Что самое главное за эти двадцать лет вы бы сами отметили?

Глобальный вопрос, на который очень сложно ответить. Можно долго размышлять и прийти в конце концов к какой-нибудь банальности. Поэтому давайте конкретно.

Хорошо. «Красное на черном» будете исполнять?

Да, буду. Это песня настолько знакомая для нас, что мы до сих пор от нее не отказались и вряд ли откажемся. Программная.

Много у вас таких — программных?

Да, достаточное количество. «Мое поколение», что еще-то... Вот сейчас снова исполняем «Движение вспять». Из «Блокады» много песен поется до сих пор.

Есть ли песни, которые вы не поете не по внутренним мотивам, не из-за изменившегося мировоззрения, а просто потому, что уже надоело?

Да в общем все песни поются, которые хочется петь. Те, которые не хочется, и не поются. Я выстраиваю программу, меньше всего — да простит меня уважаемая публика — интересуюсь ее вкусами. Важно, чтобы меня эта песня грела. Такие критерии.

Когда у вас последний раз случался серьезный, душевный разговор с членами вашей «Армии «Алисы»?

Совсем недавно общались с верхушкой «Армии». Они мне здорово помогли: приехали ко мне в деревню и подсобили в копательных работах. За что огромное спасибо всему активу.

Картошку копали?

Нет, я там траншею копал под электричество к бане.

А вот кто сейчас эти люди? Как они к вам относятся? Многие ли разбежались после переноса, случившихся с вами? Жалеете ли вы тех, кто ушел?

«Армия «Алисы»» организовывалась как вольнонаемная армия. Соответственно, мы не прослеживаем судьбы отколовшихся — флаг им в руки, тем, кто уходит. И потом, это чисто возрастная организация. Организована она была в девяностом году, и те, кто повзрослел, уже занимаются другим. Оставив теплоту в сердце, я надеюсь, это я о тех, кому за тридцать. А сейчас что за люди? Молодые. Люди, которые понимают мою позицию, понимают мое мировоззрение. Соответственно, мне их просто назвать единомышленниками.

То есть они уже не фанаты?

Да. Потому что модный фанатизм мы всегда пытались отсекают. Это обустроивалось сначала определенным мифом группы, а потом уже — четкой идеологией. Те, кто следовал моде, откололись давно. Потом откололись те, кто не принимал идеологию — то есть мировоззрение, которым я делюсь сейчас в песнях. Все они ушли, я считаю, к достойному коллективу «Король и Шут».

У вас с «КиШ» хорошие отношения?

Хорошие. «КиШ» поднял флаг или эстафетную палочку, которая называется чистым рок-н-роллом.

Вы сейчас играете славянский рок. А «КиШ» ведь тоже к этому близки.

Мы похожи. Не музыкально, а именно формой, как мы это все выстраивали. Они гордо несут флаг музыкального стиля, который я озвучил в свое время: «жги, гуляй, бей». Кто как не «КиШ» сейчас этим занимается лучше всех? Без пошлости, которая есть у группы «Ленинград». Они тоже этим занимаются, но профанируют эту идею, на мой взгляд, играя на низменных чувствах толпы.

Вам до сих пор, наверное, несут демо-записи молодые музыканты?

Я же продюсированием не занимаюсь, вот мне не особенно много и несут. Так особо ничего не впечатлило.

Может, вам, как Лагутенко...

Нет, не надб. Каждый делает то, что он умеет.

В одном из последних выпусков «Намедни» был сюжет про Светлану Владимировскую...

Да, была такая певица, она ушла в секту Виссариона.

Да. И живет теперь в какой-то деревушке, верит в своего бога, выступает в областном центре лишь для того, чтобы заработать копеечку и продолжать растить своих четверых детей, вести хозяйство. Этот путь для вас тоже подразумевался?

Нет. Понимаете, в чем дело, любое сектантство — печальное зрелище. Любая секта основана человеком, который осмеливается брать на себя власть над людьми, которая дадена только Господу. Соответственно, человек запутывает человека, и финал, как правило, плачевный. Светлана, на мой взгляд, попала именно в те структуры, которые будут ее всячески выжимать. Но это ее путь, поэтому нельзя ее осуждать.

Чаще всего музыкант, который приходит к религии, уходит из музыки. Религия отрицает сцену.

Судя по тому, как мы общаемся сейчас с Патриархией, так нет. Даже приветствует. Церковь за последние шесть-семь лет поменяла свое отношение к рок-музыке, и слава Богу. А мне и хотелось, когда я принимал крещение, оставаться в профессии и показывать, что даже в этой профессии возможно быть с Господом. То есть не себя выпячивать, свое «я», а робко пытаться заниматься сотворчеством. Это ведь в любой профессии возможно. Важно в себе возвращать хорошее. Быть ответственным за каждое слово, поступки свои обуздывать, которые присущи рок-н-роллу. То есть с собой бороться.

No sex, no drugs, just rock n' roll?

Да. Но если уж говорить о сексе — то в семье. И семья — как единое целое, как малая церковь. Вот возникла у меня эта проблема — это, как правило, у новообращенных. Понимаешь, что тебе открылось что-то огромное, но не понимаешь, как с этим огромным в социуме существовать. Когда такая тема возникла, я прежде всего начал бороться со своим негативом. И мне стало очевидно, что я полностью из него состою, из негатива. И по мере сил, с Божьей по-

мощью я стал бороться и справляться с теми недугами, которыми я был болен, и даже не знал об этом. А когда кое с чем успешно поборолся с Божьей помощью, то понял, что моя профессия ничуть не хуже, скажем, профессии водителя автомобиля. И понял, что в этой профессии я могу пытаться делать что-то хорошее. И проблема сама собой отпала. Я понял, что я на своем месте. Важно только не делать новых татуировок (смеется). Хотя время от времени подмывает. И песни стали писаться такие, с более четким выражением мировоззрения. Не размытым.

Ваш новый альбом производит впечатление. Мне очень понравилось, что вы позвали Сергея Чигракова (Чиж), добавившего блюза. И с жесткостью в вашей музыке все хорошо. Но чего ваш альбом лишен напрочь, так это иронии и самоиронии. Это вообще вам не свойственно. И это многих людей, потенциально — ваших слушателей, от вас отталкивает.

Я приму это как тот минус, который действительно есть. Я учту. Вот мне очень нравится альбом Бориса Борисовича «Песни рыбака». Но той легкости, изящества в слове мне пока не хватает. Я принимаю этот упрек — он правильный.

Пытаясь сформулировать общее ощущение от нового альбома, я думал про своего деда, который был истовым православным, но не умел общаться с людьми и никакими знаками мне не передал. Ваш альбом похож на содерательный, эмоциональный, нравоучительный разговор с дедом. Как вашим детям новый альбом?

Нравится. И Вере нравится, и Маше.

На какую аудиторию вы рассчитывали, когда писали этот альбом?

Ни на какую. Двадцать лет живу — и двадцать лет не рассчитываю ни на кого. Делюсь лишь тем сокровенным, что рождает мое сердце. А кто это будет слушать, кем это будет востребовано — не моя задача. На том стоим и, в принципе, отличаемся от популярной музыки.

Не так давно в интервью вы сказали, что «проблем с «Алисой» гораздо больше, чем дивидендов, которые можно от нее получить». Песни из вашего нового альбома отказываются крутить на радио. Чем эта борьба отличается от той, что была пятнадцать лет назад?

Да ничем. Существуют определенные силы, которые считают, что то, чем мы занимаемся, раскачивает устои, на которых поставлен их стул. И они боятся.

Какие вы устои раскачиваете?

Это надо вопрос задать тем, кто палки в колеса нашей телеге вставляет. А либеральная общественность и пресса, когда слышат подобные декларации даже от людей типа меня, то есть по сути своей шутов, они даже этого умудряются очень испугаться и навешать кучу своих ярлыков. Слово «русский» в любых эфирах попало под запрет негласной цензуры. Это можно назвать форматом, еще как-то — без разницы. Бамс, лампочка среагировала — боимся!

Со словом «православный» то же самое?

И «православный», и «русский», много слов, на которые реагируют с опаской.

Зато слово «жопа»...

...Да-а-а! Это бис, браво! А если уж матом, так вообще замечательно.

Вы пересматриваете свои записи старых концертов?

Специально — нет, а так иногда случается.

Не было у вас ощущения от самого себя на экране, что там, на сцене, какой-то чертик дергается?

Да, есть. С другой стороны, сейчас на себя смотрю и думаю: такой же ведь и остался. Выражение лица раньше было немного другое. Самости было много, самоупивания.

В чем еще, на мой взгляд, противоречие между религией и рок-героем, так в том, что герой должен себя чувствовать центром Вселенной. А у вас — человека, который верит в Бога, этого сделать уже не получится.

Я не думаю, что центром Вселенной...

...Хорошо: ощущать свою власть над людьми.

Нет, опять не так, это взгляд со стороны. Не так было и не так есть. Когда ты выходишь на сцену, ты должен ощущать себя там, как в своей стихии — купаться полностью в этом. И тогда это действительно твое, тогда возникает гармония, тогда зритель начинает чувствовать вибрацию. Но это процесс неуловимый — ты выходишь на сцену, и потом — бац! — концерт закончился. Момента осознания, а вот здесь я сейчас вот так вот сделаю...

Я рукой им знак, а они мне вот так?

...Вот такого не происходит. Выходишь — и все закончилось. Еще бы продлить вот это ощущение! Мне нравится это делать. Я не считаю, что это вредно, что это — наркотик. Это мое естество. Ну вот так вот заточен я по жизни, что сцена для меня — родная стихия. Не знаю, как это назвать правильно, чтобы не кощунственно было, не знаю, как сказать. Такой вот я. И профессию никогда не хотел менять. Все так же и осталось. Грубо говоря, смотришь на себя в зеркало и понимаешь, что время идет. Выходишь на сцену, и этого ощущения нет. Нет времени.

По поводу вашего нового альбома: очень в нем чувствуется группа «Кино»...

Я расцениваю это как комплимент. Видимо, наша связь с Цоем не прерывалась. Когда ты исполняешь чужую песню, то должен ее ощутить настолько, чтобы она была просто твоя и все. С Цоем происходит у меня такая штука, что я практически все из двух альбомов могу воспринять своим.

Был ли у вас конкретный момент в жизни, когда вы поняли, что дальше так продолжать себя не может, дальше — смерть? И нашли силы менять себя?

Главные вехи моей жизни — это физическое рождение, город Москва. Душевное рождение — это Санкт-Петербург, «где на рассвете звездой я стал», как в одной из песен. За что благодарен и люблю этот город всю жизнь. И духовное рождение — в Иерусалиме. В бездну я заглянул достаточно глубоко свесившись с этого края. И абсолютно четко понял — или умирать, или двигаться дальше.

Прямо герой рекламы: «Он выбрал жизнь!» (смеется)

Как ни иронично звучит, потому что меня все время в какой-то пафос кидает, но это так, елки-палки.

Опять же мистическое совпадение — в тридцать три года я принял крещение. И потом вот так вот очень трудно соответствовать. Недаром монахи говорят: «Если стоишь, значит, уже падаешь». Поэтому нужно все время двигаться, а это сложно.